

Bakhtin, M. (2025). Metaphysical principles of causality and normativity in historical cognition. *Actual Issues of Modern Science. European Scientific e-Journal*, 39(1), 135–152. Ostrava.

DOI: 10.47451/phi2025-10-01

The paper is published in Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, and WebArchive databases.

Maxim V. Bakhtin, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, International Business Professors Club. Ragusa, Italy.

ORCID 0000-0003-1366-3009

maximbakhtin@gmail.com

Metaphysical Principles of Causality and Normativity in Historical Cognition

Abstract:

This study is timely in the context of the contemporary reassessment of the foundations of scientific rationality, the crisis of classical determinism, and the necessity of accounting for normative structures in historical cognition. Amidst methodological pluralism and increasingly complex conceptions of freedom of human action, the analysis of the metaphysical principles of causality and normativity acquires particular significance. An awareness of the multidimensionality of human activity demands the integration of causal and value-based foundations in the explanation of historical processes. The novelty of this study lies in proposing an integrative approach that unites causal and normative structures as two fundamental metaphysical principles of historical cognition. The study explores the contemporary interpretation of freedom as a creative act that disrupts the causal chain, and it demonstrates the methodological irreducibility of normativity to causality. The subject of the study is the correlation between the metaphysical principles of causality and normativity within the structure of historical cognition. The object of the study is human action as an element simultaneously incorporated into both the causal and normative orders. The study aims to identify the roles of causality and normativity in the formation of historical explanation models and in the philosophical understanding of free will. The methodological basis of the study includes analysis, synthesis, historical-genetic and comparative methods, as well as phenomenological, hermeneutical, and dialectical approaches, which allow for a comprehensive understanding of the evolution of the categories of causality and normativity. The application of metaphysical analysis and conceptual reconstruction ensured the identification of a link between changes in scientific rationality and the transformation of historical models of thinking. The study traces the evolution of causality and normativity: from primitive normative syncretism and ancient conceptions of fate to the classical scientific model built on the continuity of causal connections, and its subsequent critical reassessment in the 20th century. It is shown that historical cognition is impossible without considering normative structures, which define the subject's motivation and responsibility, and that contemporary philosophy is turning towards an integrative model that combines explanation and interpretation. The main challenges addressed by the study are related to the limitations of universal deterministic explanations and the difficulty of formalising normative structures. An additional problem is the gap between natural-scientific and humanistic models of rationality. The study confirms that causality and normativity prove to be complementary principles essential for the complete reconstruction of the historical process, which opens up prospects for the further development of an integrative philosophy of history.

Keywords: causality, normativity, free will, necessity, objective universal laws.

Introduction

The problem of the metaphysical foundations of human freedom and the principles that determine the structure of historical cognition remains one of the central concerns in contemporary philosophy. In the context of escalating methodological pluralism and the crisis of classical rationality, the question of how an individual understands their choice, motivation, and responsibility acquires particular urgency. Contemporary science no longer relies on the notion of a single, universal type of rationality characteristic of the Enlightenment era; instead, an increasingly pronounced divergence between various forms of world comprehension is evident.

Historical cognition finds itself at the epicentre of this methodological shift, as it simultaneously operates with causal structures and with normative systems regulating human behaviour. As the critique of deterministic models deepens, it becomes obvious that the absolute continuity of cause-and-effect relations, which forms the core of the classical scientific worldview, is no longer capable of explaining the complexity of human agency. In the humanities, attention is intensified towards the role of free choice, cultural attitudes, value systems, and “metaparadigmatic” decisions that shape the horizons of historical experience. Following this, a need arises to reconceptualise the relationship between causality and normativity as two fundamentally distinct, yet inextricably linked, modes of world explanation.

Contemporary study emphasises that the metaphysical foundations of historical cognition cannot be reduced to a single model of world order; rather, they necessitate taking into account the multi-layered nature of reality, where objective necessity coexists with human freedom. In transitional societies undergoing transformations of value systems and structures of historical memory, this problem becomes especially significant, as the selection of a “metaparadigmatic framework” determines the very possibility of interpreting the past and shapes the normative guidelines for the future.

The novelty of the study lies in the attempt at a comprehensive analysis of the metaphysical principles of causality and normativity as two equally valid foundations of historical knowledge, influencing the understanding of free will. In contrast to traditional approaches, where causality is considered a universal explanatory instrument, this work is based on the idea of the heterogeneity of the world order and the impossibility of reducing the normative dimension to the causal.

The study proposes a non-classical interpretation of freedom as a creative act that disrupts the continuity of the cause-and-effect sequence and initiates a new metaphysical and historical context. A significant contribution is the thesis that normative structures are not derived from the natural order, but are formed as a result of the collective choice of a specific model of life, which renders them historically changeable and culturally conditioned.

The novelty also consists in the comparison of classical scientific rationality with contemporary forms of thought, which admit discontinuity, heterogeneity, and the multiplicity of the grounds of existence. Such a comparison allows for a critical reappraisal of the status of causality in historical cognition and identifies new possibilities for the investigation of free will as a metaphysical category.

The subject of the study is the metaphysical foundations of causality and normativity as structures that shape the modes of interpreting human actions and historical processes. The analysis includes their philosophical evolution, mutual transformation, and influence on the methods of historical cognition. Particular attention is paid to how these principles determine different types of rationality and explanatory models.

The object of the study is human action as a phenomenon simultaneously included in the cause-and-effect world order and subordinate to normative structures that determine freedom of choice and responsibility. More broadly, the object is historical cognition, within which causal explanations and the normative grounds of human activity interact.

The study aims to identify the role of the metaphysical principles of causality and normativity in shaping models of historical cognition and in the comprehension of free will.

Based on this purpose, the following objectives are addressed in the work:

- analyse the content of the metaphysical principles of causality and normativity and their historical evolution from ancient conceptions to classical and post-classical science;
- investigate the differences between the causal and normative orders as foundations of human agency and world structure;
- identify the ways in which causality and normativity interact within the structure of historical cognition and in the understanding of human freedom;
- consider the mechanisms of forming normative structures as a result of free choice and their impact on historical interpretation;
- establish the limitations of deterministic models and demonstrate the significance of normative acts of creativity and responsibility in the humanistic perspective.

Methods

The investigation into the metaphysical principles of causality and normativity within historical cognition necessitates the application of a complex set of general scientific and specialised philosophical methods. This approach ensures the systemic integrity, depth, and critical reflection of the results obtained. Given that this problematic addresses the fundamental underpinnings of human freedom, the structure of the world order, and the evolution of rationality, the research methodology must account for both the historical dynamics of the formation of key categories and the specifics of their function in diverse cultural and historical contexts.

The work is fundamentally based on the sequential analysis and synthesis of conceptual material. Analysis enables the breakdown of the central categories—causality, normativity, freedom, rationality—into their structural components and reveals their internal relationships. It is employed in examining the distinctions between the givenness (*данность*) and the task/potentiality (*заданность*) of human existence, in interpreting the concepts of “necessity”, “motivation”, and “responsibility”, and in investigating the content of the causal and normative models of the world presented in the article's text.

Synthesis, conversely, ensures the assembly of these elements into a unified theoretical construct. This construct reflects the logic of transition from the normative arrangement of the primeval world to the classical scientific interconnectedness of causes and effects, and

subsequently, to contemporary non-classical forms of thought which admit discontinuity and a multiplicity of grounds.

The inductive approach is applied in the analysis of a broad range of historico-philosophical material: from archaic notions of “guilt and retribution” to the Stoic doctrine of fate, the Cartesian concept of the law of nature, and Newtonian universalism. It is used to identify the general regularities in the formation of worldviews that link human beings with the orderliness of the world. Deduction allows for the formulation of conclusions regarding the nature of classical rationality, its aspiration for the continuity and closure of causal chains, and the logical impossibility within it of an act of freedom emerging as a “gap” between causes. Deductive generalisations are then tested against concrete examples provided in the article’s text, including the comparison of the normative order of antiquity with the causal order of Early Modern science.

The historico-genetic method serves as the foundation for reconstructing the evolution of conceptions of causality and normativity. It enables us to trace how the initial identification of guilt and cause (*aitia*) in ancient thought was gradually transformed into a strictly scientific understanding of causality, where norms are no longer viewed as an expression of the will of gods or higher powers. It helps to explain why the classical scientific worldview progressively displaced the normative type of worldview, and was subsequently subjected to criticism itself in the 20th century, a process which is revealed in detail in the text under study.

The comparative method is employed for juxtaposing various models of world explanation: the normative, based on retribution and responsibility; the causal, founded on the continuity of cause-and-effect relations; the classical scientific, striving for universal determinism; and the non-classical, admitting ruptures and external influences. The method allows for the identification of the profound differences between these types of rationality and demonstrates that their mutual irreducibility is key to understanding the nature of historical cognition.

The structural-functional approach provides for the analysis of causality and normativity as grounds that fulfil different functions in the formation of the world order. Causality is examined as a mechanism for explaining the sequence of events, while normativity is seen as a structure that sets rules, values, and the boundaries of human activity. This method aids in understanding why an origin connected with an act of free choice is possible within the normative order, whereas such an origin is absent in the causal order. On this basis, it is demonstrated that historical cognition cannot be reduced to a single explanatory model.

The phenomenological method is applied to analyse the human experience connected with the perception of “givenness”—objective circumstances determined by the past—and “task/potentiality”—ideals, norms, and goals directed towards the future. This approach allows for the identification of the structure of human motivation, as shown in the text under study, and for understanding how the individual experiences the rupture between natural necessity and normative requirements. Phenomenological analysis reveals that the act of freedom arises at the point where a person acts not as a consequence of a causal series, but as the origin of a new chain of events.

The hermeneutical method is used for the interpretation of the philosophical concepts unified in the research. It allows for the uncovering of semantic shifts undergone by the notions of law, cause, punishment, fate, norm, and necessity across different epochs. Hermeneutics also

helps to reveal the hidden assumptions underlying classical science and to explain why contemporary philosophy rejects the idea of universal determinism.

The dialectical method is essential for analysing the contradictions between causality and normativity. It demonstrates that these forms of world order exist in a state of tense unity and that the development of rationality occurs through their mutually conditioned transformations. Dialectical logic explains the historical dynamics of transitions—from the normative order of antiquity to the causal order of science and further to non-classical rationality, which permits ruptures and creative acts.

The method of conceptual reconstruction is employed to restore the substantive structure of the classical scientific worldview. It allows for the identification of its metaphysical foundations: the conception of a continuous causal chain, of the reversibility of time in the logical sense, and of the independence of natural laws from human will. This method is also applied to the analysis of the contemporary critique of determinism described in the text under study.

The metaphysical method occupies a central position, as the research concerns the ontological grounds of freedom and order. It enables questions to be posed about the nature of being, the structure of law, and the relationship between necessity and freedom. The application of metaphysical analysis explains why causality precludes a creative act, while normativity makes it possible, and also reveals the consequences of these distinctions for historical cognition.

Philosophical critique and deconstruction of classical rationality are used to identify the limitations of the determinist model of the world. Critical analysis shows that universal causality fails to account for the normative structures through which the human being actualises freedom and responsibility. Deconstruction enables the uncovering of the hidden metaphysical presuppositions of classical science and explains why they came to be perceived as self-evident.

Finally, the method of idealisation and thought experiment is applied to the analysis of models of world order, such as the normative cosmos, the classical deterministic universe, and the non-classical world of ruptures and creative acts. Thought experiments help to demonstrate the consequences of absolute determinism—the disappearance of freedom, historicity, and responsibility—and why the normative perspective proves necessary for understanding human activity.

The application of the aforementioned methods has made it possible to:

- 1) reveal the historical dynamics of the formation of conceptions of causality and normativity;
- 2) demonstrate their metaphysical irreducibility to one another;
- 3) uncover the internal logic of worldview transformations from archaic consciousness to the non-classical rationality of the 20th century;
- 4) explain how freedom manifests as an act that ruptures the causal chain and establishes a normative order;
- 5) substantiate the impossibility of reducing the normative dimension to natural scientific laws;
- 6) emphasise the significance of metaparadigmatic decisions and creative choice as the foundation of historical cognition.

Literature Review

The problem of the metaphysical foundations of causality and normativity, as well as their role within the structure of historical knowledge, has been shaped in scholarship over several centuries, which makes the analysis of existing literature a fundamentally important stage of the research. Among domestic studies, one of the key sources is the work of Balakhonsky (1997), which examines in detail the epistemological and methodological foundations of explaining history and demonstrates the dependence of historico-philosophical concepts on shifts within rationality. Also significant is Bakhtin's work (2011), which analyses models of history from a socio-anthropological perspective, with particular attention to the relationships between cultural attitudes, forms of worldview and historical reflection. Bransky (2006) likewise emphasises the question of the meaning of history and stresses that historical understanding is inevitably connected with the interpretation of purposiveness and the normative structures of human activity.

Among philosophers of science, Bachelard (1986) made a substantial contribution to the development of the topic of the correlation between causality and normativity. In his works he demonstrated the limitations of classical forms of determinism and the necessity of revising reductionist scientific models. Another important field of inquiry is the sociology of knowledge, where the notion of the social construction of reality takes centre stage, as presented in the fundamental study by Berger and Luckmann. The authors show that social institutions and norms define the frameworks within which the world is interpreted and constitute the necessary precondition for understanding human action (Berger & Luckmann, 2009). This position supports the idea that normative structures cannot be reduced to a natural-scientific causal order.

The historical roots of philosophical notions of causality and normativity can be found in the works of ancient thinkers. *Fragments of Early Greek Philosophy* (1989) make it possible to trace the formation of the first cosmological models of order and the interrelation between divine ordinance, moral norms and natural processes. Of particular value is the collection by Diogenes Laertius (1979), which records the views of ancient schools for whom causality and fate often coincided within a unified conception of world order. These texts allow the reconstruction of the early normative-causal syncretism characteristic of ancient thought.

A fundamental influence on the formation of classical conceptions of causality was exerted by the works of Leibniz (1984), in which the idea of the continuity of world order and the strict correlation between cause and effect was elaborated. Later this line was radicalised in the scientific works of the Early Modern period, where the mathematization of nature reached a high degree of formalisation. A key testament to this process is the monumental *Principia Mathematica* by Whitehead and Russell (1910), which became a symbol of faith in the universality of the logico-mathematical apparatus. Also illustrative in this context is the analysis by M. Kline (1984), who in the twentieth century revealed the crisis of mathematical certainty and demonstrated the limitations of rationalist models of scientific cognition.

A critical reassessment of classical determinism is most vividly presented in the works of I. Prigogin (1989), which highlight the impossibility of reducing complex systems to linear causal models. Prigogine emphasised the need to acknowledge the openness of the future and the role of probabilistic processes in nature. This position became an important premise for non-classical concepts of rationality and underscores the limitations of classical metaphysical determinism.

The shift away from rigid determinism toward more flexible conceptions was significantly influenced by research in analytic philosophy. One of the key sources is Anscombe's work (1971), where causality is analysed as a concept that cannot be reduced to mechanical determinism but is instead determined by the contextual structures of human practice. D. Lewis (1973), in turn, developed a counterfactual model of causality, emphasising its modal nature and dependence on possible worlds. These works substantially expanded the understanding of causality beyond the classical linear model.

A major contribution to rethinking the relationship between necessity and freedom was made by Hannah Arendt. In her seminal study *The Human Condition*, she investigates the categories of action, freedom and responsibility, understood as events that break causal continuity and introduce a new beginning into history (Arendt, 1958). This approach is particularly important for the analysis of the metaphysics of normativity, where freedom is seen as an act of creative establishment of order.

The question of the structure of cognition and the role of the subject in the interpretation of being occupies a central place in Martin Heidegger's philosophy. In *Being and Time* he demonstrates that human existence is always already immersed in meaningful structures that determine the horizons of understanding, and that the analysis of being is impossible without considering existential freedom (Heidegger, 1962). At the opposite pole lies the classical epistemology of I. Kant (1998), in which causality is viewed as an a priori category of the understanding, and normativity as the practical law of freedom. These works provide the theoretical framework necessary for comprehending the dual nature of causality and normativity.

An important body of literature is associated with the philosophy of science. C. Hempel (1965) proposed a model of scientific explanation based on deductive-nomological structures, which became one of the most influential formalisations of causality in the twentieth century. In contrast, K. Popper (1959) criticised determinism and introduced the principle of falsifiability as a tool of scientific rationality that admits the openness of the future and the creativity of scientific thought. M. Bunge (1959) developed a pragmatic-scientific approach to causality, stressing its operational nature and connection with empirical investigation. The works of R. Bhaskar (2008) within the framework of critical realism proposed a stratified understanding of reality, in which causality operates on different ontological levels and cannot be reduced to linear mechanisms.

The philosophical-humanitarian trajectory is represented by the works of Ch. Taylor (1985), who showed that the understanding of human action is impossible without taking into account normative structures, values and cultural meanings that constitute the space of freedom. In *The Archaeology of Knowledge*, M. Foucault (1972) reveals the idea of epistemological ruptures and the historical conditions of forming discourses, demonstrating that normativity is not only a moral but also an epistemic category. His analysis makes it possible to view causality and normativity as elements of distinct discursive regimes.

Thus, the literature on the topic forms a multilayered field that includes ancient philosophy, classical metaphysics, Early Modern philosophy, phenomenology, analytic philosophy, critical realism, the sociology of knowledge and contemporary studies of rationality. All these traditions demonstrate that causality and normativity possess a complex historical dynamic and diverse ontological statuses. The classical tradition sought to universalise causal order, whereas contemporary research emphasises the necessity of recognising the multiplicity of types of

rationality, the cultural conditionedness of norms and the creative character of freedom. The literature review shows that the problem of the relationship between causality and normativity requires interdisciplinary analysis that takes into account both historical forms of thought and modern philosophical conceptions, which determines the relevance of further research.

Results

One of the most pressing issues for any transitional society is the theoretical understanding of the freedom of the human will and its metaphysical foundations. In this regard, the metaphysical principles of causality and normativity emerge as the fundamental bases for the organisation of our representations of the world and its cognition. From the mid-20th century onwards, as the historical and socio-cultural conditioning of the rationalist ideals of classical philosophy becomes increasingly evident (*Bachelard, 1986*), the initial intuition of some universal, single and unique rationality loses its former clarity and becomes ever more blurred and indeterminate. At the very least, it becomes clear that not only theoretical knowledge but also human practical behaviour, unmediated by any theory, can be rational.

The rationality of actions presupposes, at the very least, that they are motivated. Motivation, in turn, is conditioned, on the one hand, by givenness—the factual state of affairs, the objective circumstances in which a person finds themselves—and, on the other, by “setness”, that is, by their understanding and interpretation of these circumstances. Depending on the meaning ascribed to them, human behaviour in one and the same situation may be markedly different—indeed, even diametrically opposed. Givenness is determined by the past: all circumstances are conditioned by events that have already taken place and which, in their totality, have led to the present state. “Setness” is not directly present in the present. It is, rather, an impulse, an orientation towards the realisation of a certain imperative that is offered to the person, or posited by themselves, as an ideal or a norm. Thus, the present in which a person finds themselves constitutes a rupture between givenness (the past) and setness (the projection of the future). It is within this rupture that real human life unfolds, as a person, through their reflections and actions, continually reconnects the thread of their own being.

Setness, like givenness, is something external to the individual; therefore, the striving towards it may be interpreted as an ever-renewed attempt to transcend the boundaries of givenness, as a striving towards transcendence. Science is one of the forms in which this striving is realised, insofar as it represents a way of transcending setness through the formulation of laws of nature and methodological principles of thought. However, science is not the only form in which such striving is embodied. I. Prigozhin, e.g., writes that “Europeans live at the intersection of at least two different systems of values: on the one hand, scientific rationality, and on the other, the rationality of collective behaviour.” (*Prigozhin, 1989*) Yet rationality, whatever form it takes, is always grounded in a conscious conviction or instinctive belief in the existence, in the world, of a certain definite and stable order. The very presence of such a conviction (or belief) serves as the deepest foundation for affirming ontological determinations of being, whilst the concrete content of these determinations largely depends on the content of the fundamental convictions or beliefs characteristic of a particular historical epoch. How and from what do such convictions and beliefs arise? How do they influence the content of our ontological representations? How do they change, and what happens as a result of these changes?

In prehistoric thought there may have been nothing at all—and, in all likelihood, indeed there was nothing—resembling contemporary scientific conceptions of nature as an ordered sequence of phenomena linked by causal relations. Yet this can scarcely be taken to mean that prehistoric thought was altogether devoid of the idea of the world's orderedness. Rather, one may speak not of the absence but of the different character of this order. That which appears to contemporary scientific consciousness as nature external—and even opposed—to the human being, appeared to the ancient human as the immediate continuation of their life-world, which was tightly bound by a system of moral or legal norms. The social order regulating human behaviour was extended to the entire world, an understanding of which was constructed not on causal (cause–effect) but on normative (guilt–retribution) relations.

Ethnographic research indicates that the notion that the human being is responsible for everything that happens in the world belongs among the most archaic stereotypes of thought (*Fragments...*, 1989). Many ethnographers note that the prehistoric human interpreted what we call natural phenomena not as spontaneous events indifferent to their fate, but strictly in accordance with the principle of retribution, regarding favourable events as reward and unfavourable ones as punishment. The dualism between nature as a causal order and society as a normative order was wholly alien to prehistoric consciousness, just as it is (albeit with the opposite sign) to the scientific consciousness of the contemporary human.

Potentially, a worldview grounded in normative relations differs substantially from a causal one, although mytho-religious consciousness may, for a long time, remain entirely insensitive to this difference. For such consciousness, the connection between natural phenomena, just as between social phenomena, is the result of divine ordinance, and the laws of nature—like social laws—are nothing other than the expression of the will of the creator: norms prescribing to natural objects certain rules of behaviour, the violation of which entails inevitable punishment. It is noteworthy that in ancient Greece both cause and guilt were designated by the same word—*aitia* (*Diogenes Laërtius*, 1979). Apparently, the conception of the law of causal relations arises through a re-interpretation of the concept of law-as-norm, which binds guilt and retribution. The transition from normative order to causal order consists in the human being's realisation that relations between things, unlike relations between people, are independent of both human and supra-human will, or, which amounts to the same thing, are not determined by norms. However, this transition was neither simple nor instantaneous.

The history of the formation of the conviction that there exists a completely impersonal natural order—a conviction that constitutes the ontological core of classical rationality—stretches from the first natural philosophers of ancient Greece to the meta-scientific investigations of Galileo, Descartes and Newton. Already in Plato's philosophy, the conception of the Cosmos as a hierarchically organised system is formed, in which the ideal world is separated from, and opposed to, the world of objects. This higher world of pure essences is interpreted as the eternal and immutable prototype (the ideal plan) according to which the order of things and phenomena that constitute the human being's immediate environment arises and exists. The order of the phenomenal world is given to us as a reflection of that order which exists in the ideal world, yet as a reflection that is crude, inexact and approximate. True being is not given to us in our immediate experience. Therefore, the comprehension of universal laws and the true meaning of being is attainable exclusively by means of pure intellectual contemplation.

Empirical cognition does not even deserve to be called knowledge; it is designated by the special term “opinion”. Genuine knowledge is the result of intellectual vision that discloses the pre-given order and meaning of the being of the world and, therefore, the genuine vocation of the human being (*Hempel, 1965; Popper, 1959*).

Nevertheless, a complete separation of causality from normativity does not occur even in ancient philosophy. A significant number of ancient authors continue to interpret the law of nature precisely as an established order, and the notion of cause is scarcely distinguished from that of fate: “Everything happens by the decree of fate, as Chrysippus... Posidonius, Zeno, as well as Boethus, say <...> Fate is the continuous [chain] of causes of what exists, or the reason according to which the universe is governed.” (*Diogenes Laërtius, 1979*) Even by the seventeenth century this separation can still not be regarded as fully accomplished. Thus, in his Discourse on the Method Descartes speaks of laws ‘established by God in nature’, and in a letter to Mersenne he asserts that “God has established these laws... just as a sovereign establishes laws in his kingdom.” (*Kline, 1984*) The decisive step towards a complete separation of causal order from normative order is taken by Newton when he endows the law of nature with a universal and all-encompassing character.

In affirming the unity of the laws of celestial and terrestrial mechanics, Newton proceeds from a firm conviction in the existence of a single, unique world order embracing all phenomena of both the supra-lunar and the sub-lunar worlds. The ancient conception of the Cosmos as a hierarchically ordered system is replaced by the foundational modern scientific idea of the Universe, whose order and laws apply equally to the motion of the heavenly bodies and to the displacement of terrestrial objects, all describable by one and the same set of mathematical formulae. And although in Newton’s own fundamental convictions we still find reminiscences of the ancient normative order, from his theism it is but “a step” not only to Leibnizian deism, but also to Laplace’s radical determinism, which definitively expels the idea of sovereign will (as the basis of normativity) beyond the bounds of science (and rationality in general).

From this new perspective a strange and previously unknown world opens up before the human being—a world governed by a single universal set of causal laws that admit of precise mathematical expression. Yet a law is perceived by us as a truth, excluding the possibility of any contrary propositions, only when it is sanctioned by a supreme authority. In this “new world” such an authority is assumed by science, which claims both supreme knowledge and supreme power.

Science’s claim to the role of supreme authority rests on the fundamental conviction that the causal order prevailing in the world makes it possible (provided certain logical and methodological procedures are observed) to correlate each phenomenon precisely and unambiguously with all that precedes and all that follows it.

The unpredictability of particular events is viewed, from a causal standpoint, as a purely epistemological phenomenon lacking any ontological presuppositions. Nothing that occurs comes into being without an appropriate cause. Surprises exist only for us, and only insofar as we have not yet discovered all these causes. We hope to use the causal connections already known and comprehended by us as means for achieving our own ends, but the constant intervention in our activity of innumerable regularities as yet unknown to us leads to a situation

in which, contrary to our will, we ourselves become one of the means for the manifestation of some global necessity.

The principle of causality, regarded as a fundamental ontological characteristic of being, implies that a person can realise their striving for freedom only by subjecting their life to a universal objective law. To dispose freely of their future, an individual thinking in categories of causality must exclude from consciousness everything contingent, retaining therein only what is necessary. In other words, in order to be free, a person must become necessary not only in their means, but above all in their motives and ends: they must not desire anything that is not “provided for” by objective necessity. Strict adherence to the causal principle does not allow us to regard our own activity as fully autonomous. For if each of our actions is the “resultant” of a multitude of objective factors, many of which we do not even recognise, then our behaviour is determined by something other than our will. “Science”, writes F. M. Dostoevsky in *Notes from Underground*, “will teach man that... everything he does is done not at all according to his desire, but of itself, according to the laws of nature. Consequently, once these laws are discovered, man will no longer be responsible for his actions.”

Causal thinking is formed as the result of a sufficiently long process of radical transformation in conceptions of how the world is ordered. The world of traditional society is a world governed by normative (social) order, which is also extended to the whole surrounding reality. The modern European world is a world of causal (natural) order, to which there is now an attempt to subordinate both society and the individual. This world is literally created in the process of the formation of European science and appears to us as the result of a change in the most fundamental ontological representations of the order that governs the world.

Leibniz, one of the most authoritative creators of the new science, holds that the order prevailing in the world is such that “every complete action represents [its] complete cause”, and therefore “from knowledge of this action I can always arrive at knowledge of its cause.” ([Leibniz, 1984](#)). If the cause is ‘fully represented’ in the effect, this means that the logic of our cognition must be just as sequential and uninterrupted as the chain of causal connections in nature itself. Strictly speaking, however, what is at stake here is less an epistemological than an ontological principle. Leibniz’s conviction of the causal nature of the fundamental world order presupposes that all events form a continuous series, in which causes and effects are absolutely contiguous, with no “gaps” between them. The world is revealed to us as a certain perfect unity, as an integral, nowhere ruptured succession of phenomena connected with one another by relations of necessity. Yet this thesis is nothing other than a particular ontological principle, tacitly present at the foundation of classical science. According to this principle, the whole of nature is unconditionally subject to mathematically formulated laws, whose operation is manifested in the inexorability of causal relations. Within such a framework, there is simply nowhere for the human being to “insert” their free will, the manifestation of which is always associated with the emergence of a “gap”, a break in continuity.

As a result, an attitude becomes established and widely diffused in which nature is conceived as a kind of a-historical entity. For if the complete cause of any phenomenon is contained within it as its complete effect, this means that they are equivalent. But the equivalence of cause and effect, in turn, implies nothing other than the reversibility of time (at least in a logical sense). And if physically we are incapable of turning the world process backwards, then to enact such

retrograde movement logically is not only possible, but constitutes the direct duty of the person of science. The notion of the a-historical character of scientific laws, relating first and foremost to the sphere of natural processes, gradually spreads into the sphere of human existence.

Over the past three hundred years this Leibnizian “formula” of the fundamental world order has become dominant not only among scholars and philosophers; even in everyday consciousness there has taken shape a stable conviction in the inviolability of causal laws, which organise everything that happens in the world into uninterrupted chains of cause and effect stretching from an infinite past into an infinite future (*Leibniz, 1984*). However, by the mid-twentieth century, among professionals—philosophers, scientists and methodologists of science—confidence in the all-embracing character of the causal world order loses its former firmness. Disillusionment with the ideals of universal determinism grows. As a result, the fundamental premises of classical modern rationality—the ontological principle of the continuity of causal relations and the epistemological principle of the unity of the system of rational knowledge organically bound up with it—are called into question. The break with tradition is experienced so acutely that Gaston Bachelard (*1986*) characterises the very idea of universal determinism of the Leibnizian type as an incredible, monstrous idea.

Here, as in the case of forming the classical ideal, the change in epistemological perspective and the revision of ontological foundations are inseparably linked with a change in conceptions of the prevailing world order. It is precisely on the basis of such conceptions that our preliminary assumptions are formed concerning what is truly significant and meaningful in this world (*Bhaskar, 2008*). The most fundamental ontological presupposition of classical science—the being of nature as the ultimate givenness existing “in itself”, independently of our human existence—becomes unacceptable under new conditions. Yet together with the differentiation of natural and human being, the conception of the world as some absolute, indivisible unity, subject in all its spheres and manifestations to one and the same universal causal laws, also becomes unacceptable. If, from the standpoint of the classical ideal, all relations, both in the sphere of nature and in the sphere of the human life-world, were regarded as internal relations between elements of a single, unique system, there now arises the possibility of taking into account external influences whose operation disrupts the rigid linearity of classical determinism.

The “image of the world” changes not only through the natural causal processes unfolding within it. A transformation in the conceptual organisation of thought may provide us with a wholly different structure for the articulation of being, opening up a new perspective in which not only the meaning and significance of familiar things change, but we in effect find ourselves in a new world, with different objects and different facts. The very principles of the structuring of being are now considered not as something originally inscribed into the nature of the world, but as the result of the adoption of particular meta-paradigmatic stances. The choice in favour of a given conception of world order is a creative act that rests not so much on discursive reflection as on a volitional decision, which constitutes a rupture in the chain of causal (and logical) relations. Such a choice can neither be reduced to any formalised algorithm nor derived from preceding history as an effect from its cause. From the standpoint of classical rationality, this is an irrational act. In reality, however, what is at issue here is not so much irrationality as a different, non-classical type of rationality—the rationality of “collective behaviour”. In any case, we are dealing here with the choice of a particular model of communal life.

However, unlike the causal order of classical rationality, normative world order is no longer regarded either as an absolute, eternal characteristic of being and thought as such, or as the result of the operation of some powerful transcendental sovereign will. This order is understood as one established or recognised by human beings, rather than by a supra-human power, and therefore as having normative force only within the confines of a given cultural community or historical epoch.

The internal difference between causality and normativity as principles of the organisation of world order consists above all in the following. From a causal perspective, any phenomenon is viewed as the effect of some cause and at the same time as the cause of some other effect; therefore, the causal chain appears as a continuous, nowhere broken line that issues from infinity and recedes into infinity (*Heidegger, 1962*). The normative perspective, in contrast to the causal, presupposes a quite definite beginning—that very creative act of the free choice of a meta-paradigmatic stance through which the boundary conditions are set for the functioning not only of a particular type of thinking but of the life of the social organism as a whole. It is precisely in this fundamental difference between causality and normativity that the opposition between the necessity that prevails in nature and human freedom is rooted. That the human being is free means precisely that, in affirming particular norms, they can act as the initial (first) link in a certain causal series. In taking such a decision, they act as the cause of effects, and not as the effect of a cause. This understanding of freedom differs radically from the “recognised necessity” of the causal tradition.

The unfolding of a causal sequence takes place as a smooth transition from one possible world to another. An act of freedom is a break in continuity that irreversibly carries us into another world, which is at once created by this very act. Here we are no longer speaking of a cause but, rather, of guilt. We are guilty of this transition; we have created this world, and we are responsible for the fact that it now exists. Guilt here is understood not in a moral-evaluative, but in an ambivalent (metaphysical) sense, for the emergence of either good or evil from our action is equally probable (*Berger & Luckmann, 2009*). Responsibility therefore signifies not punishment, but the awareness of one’s active participation in life, one’s belonging to being.

Thus, after several centuries of persistent attempts not only to create a science of nature based on the idea of pure causal order, but also to construct, on this basis, a “social physics” entirely free of values, we arrive at the conclusion that it is impossible fully to reduce normative order to causal order. Yet the idea of the complete absorption of causal order into normative order is, in all likelihood, equally untenable. What is crucial here is the recognition of the complexity and multi-layered character of the world and, consequently, the impossibility of discovering some kind of universal “master-key” method that would operate with equal effectiveness in both the natural and the socio-humanitarian spheres (*Bakhtin, 2011; Balakbousky, 1997; Bransky, 2006*). It is more reasonable to acknowledge the existence of two fundamental metaphysical principles, which interpret in different ways the character of human actions. The metaphysics of causality prefers to regard them as successive links in a certain universal chain. Freedom is here understood as strict adherence to this chain, any deviation from which is interpreted as unequivocal evil. The metaphysics of normativity, by contrast, prefers to regard human actions as autonomous acts of the realisation of freedom, for each of which the individual bears full responsibility.

Discussion

The analysis of the research findings demonstrates that the problem of the relation between causality and normativity has acquired particular significance in contemporary philosophy. Historical shifts in the structure of scientific rationality have revealed the limitations of classical explanatory models grounded in linear causation and, consequently, have highlighted the necessity of addressing the normative dimension of human action. As scholars have noted, classical scientific rationality sought to construct a universal causal order in which the past, present and future were bound together by an unbroken chain of causes and effects (*Bunge, 1959; Popper, 1959*). Yet it was precisely this universality and immutability that generated difficulties in accounting for human history, which is shaped by freedom, choice and responsibility rather than by the substantive regularities of nature alone.

The issue lies in the fact that historical knowledge cannot be reduced to a natural-scientific explanatory model, for it concerns not only events but also motivations, values and normative orientations that shape the horizon of human existence. It is this distinction, emphasised by contemporary philosophy, that becomes central in the interpretation of the research material. The works of Bakhtin (*2011*) and Balakhonsky (*1997*) show that historical explanation is always tied to the interpretation of aims and worldview structures characteristic of a given epoch, which resist causal reduction. Thus, the key question emerging within the discussion is how the causal and normative dimensions of history may be brought together without diminishing the significance of either.

A historical examination of the problem reveals that causality was long understood as a form of normative order rather than as a law of nature independent of human thought. In primitive societies, the connection between events was interpreted through the model of ‘guilt and retribution’, with nature itself perceived as an extension of the moral order (*Fragments..., 1989*). Even in antiquity, as evidenced by the writings of Diogenes Laërtius (*1979*), causality was frequently conceived through the prism of fate—i.e., a normative law of being. Only with the rise of early modern science did a radical separation of normativity and causality take place, reflected in the works of Descartes and Newton and systematised in the logical-mathematical framework of the *Principia Mathematica* (*Whitehead & Russell, 1910*).

Yet it is this very model, as Kline (*1984*) emphasises, that begins to disintegrate in the twentieth century. Bachelard introduces the notion of ‘technical determinism’, which, unlike its metaphysical predecessor, acknowledges the complexity of the material world and the presence of discontinuities in scientific knowledge (*Bachelard, 1986*). The crisis of total determinism is articulated most clearly by Prigozhin, who argues for the irreversibility of time, the openness of the future and the impossibility of reducing the world to mathematical formulations (*Prigozhin, 1989*). These ideas redirect philosophical attention back to the normative structures of human activity, for choice, creativity and responsibility become central to the historical process.

A second major group of problems concerns the metaphysics of freedom. As the analysis of philosophical texts shows, freedom cannot be described in terms of causal necessity, for freedom presupposes the subject’s capacity to break the causal chain and initiate a new sequence of events. Anscombe (*1971*) observes that causation is not a universal form for describing all types of events, and that human action requires a distinct logical form of explanation. Arendt

(1958) maintains that action is a 'beginning' that cannot be derived from preceding conditions. This claim directly contradicts Leibniz's classical determinism (1984) and the logical universalism of Whitehead and Russell (1910).

Another important set of problems emerges from phenomenological and hermeneutic research. Heidegger (1962) demonstrates that understanding is always rooted in the world of lived meanings and cannot be reduced to formal logic. Foucault (1972) argues that epistemological ruptures are an integral aspect of the development of knowledge, and that different historical epochs generate distinct discursive rules governing the ways in which the world is explained. This implies that causality and normativity are not eternal and unchanging categories but depend on the cultural matrix of a given epoch.

In light of the research examined, it may be argued that the article reveals a dual movement in contemporary philosophy: on the one hand, an intensifying critique of the universal causal model, and on the other, a growing interest in normativity as an inner principle of human action. This tendency develops within analytic philosophy, hermeneutics, critical realism (Baskar, 2008), the philosophy of action (Taylor, 1985), and phenomenology.

The prospects for further study lie in the construction of an integrative model of historical cognition that accommodates both causal dependencies and normative structures. Such a model must draw upon the ideas of complex systems, non-linearity and an open future, as well as on a philosophy of action in which freedom is treated as a genuine ontological foundation rather than an illusion arising from ignorance of causes. A necessary direction for development is the expansion of interdisciplinary approaches linking philosophy, history, cognitive science and the sociology of knowledge (Berger & Luckmann, 2009).

Thus, the discussion shows that the problem of the interrelation between causality and normativity extends beyond a narrowly philosophical question and becomes central to understanding human history. Contemporary philosophy is gradually abandoning the notion of universal causal continuity and directing attention to the complexity, contextuality and creativity of human activity, thereby opening the way towards new methodological models of historical thought.

Conclusion

The research undertaken enables the central results to be synthesised and confirms the achievement of the aims and objectives formulated in the Introduction. The analysis of the metaphysical foundations of causality and normativity demonstrates that these principles possess different ontological natures yet jointly determine the structure of human existence and the modes of historical cognition. The historical-philosophical material indicates that causality was originally linked to normative order rather than to natural-scientific law, as evidenced by ancient sources (Diogenes Laërtius, 1979; *Fragments...*, 1989). The gradual differentiation of these concepts proceeded in parallel with the formation of classical rationality and culminated in the scientific systems of the early modern period (Leibniz, 1984; Whitehead & Russell, 1910).

However, the classical model of causality proved incapable of explaining the phenomena of human activity, which are bound up with freedom, initiative and responsibility. This problem became central for the non-classical philosophy of science of the 20th century. The works of Bachelard (1986), Kline (1984) and Prigogin (1989) reveal that the mechanistic worldview does

not correspond to the actual structure of scientific knowledge and fails to account for non-linearity, indeterminacy and eventfulness. These ideas confirm the necessity of revising the metaphysical foundations of scientific rationality and returning to the problem of normative structures that guide human behaviour.

The metaphysics of freedom occupies a key position in this context. Anscombe (1971) and Lewis (1973) demonstrated that traditional models of causality are unsuitable for describing human actions, which are not effects of necessary conditions but constitute contextual and modal forms of existence. In the works of Arendt (1958) and Heidegger (1962), freedom is defined as the capacity to initiate something new rather than as ‘recognised necessity’, which radically contradicts classical determinism. Normativity thus becomes not an external constraint but an internal condition of human existence.

Accordingly, the research confirms that historical cognition is impossible without taking normative structures into account. As shown by Bakhtin (2011), Balakhonsky (1997) and Bransky (2006), the meaning of history cannot be derived from causal relations alone, for historical action is rooted in values, motives and collective commitments. Contemporary sociology of knowledge (Berger & Luckmann, 2009) likewise demonstrates that social reality is created through processes of institutionalisation and interpretation rather than through the mechanical operation of causal regularities.

At the same time, a complete abandonment of causality is equally impossible. As emphasised by Bunge (1959) and Hempel (1965), causal explanations remain indispensable for scientific rationality, though they must be supplemented by other forms of analysis. Bhaskar’s critical realism (2008) shows that reality is stratified and that causality operates at multiple levels, making its reduction to a single model untenable.

As a result, the study demonstrates that the most promising approach is an integrative model of rationality that brings together causal and normative elements. Such a model takes into account:

- the historical variability of structures of thought;
- the non-linear character of events;
- the significance of freedom as an ontological foundation;
- the role of cultural and social norms;
- the necessity of complex explanatory models.

All the objectives set out in the Introduction have been achieved. It has been established that causality and normativity constitute two fundamental metaphysical principles that cannot be reduced to one another. The study has shown that historical cognition requires their joint consideration. It has been demonstrated that freedom arises as a creative rupture of causal continuity and becomes the basis of normative order. Contemporary philosophical research confirms the necessity of multidimensional rationality that combines explanation and interpretation.

Accordingly, it may be concluded that the further development of this topic is associated with the construction of an integrative philosophy of history capable of uniting the metaphysical, epistemological and socio-cultural foundations of human action. This involves advancing interdisciplinary approaches, studying the dynamics of normative systems, analysing the

complexity of historical processes and rethinking the categories of rationality in the context of contemporary science. The research conducted opens a wide range of opportunities for further philosophical inquiry and affirms the significance of this direction for modern theoretical thought.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest.

References:

- Anscombe, G. E. M. (1971). *Causality and determination: An inaugural lecture*. Cambridge University Press.
<https://www.librarything.com/work/18392137>
- Arendt, H. (1958). *The human condition*. University of Chicago Press.
<https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/H/bo27911314.html>
- Bachelard, G. (1986). Rational determinism and technical determinism. In *Philosophy and Sociology of Science and Technology* (pp. 230–236). Moscow: Nauka. (In Russ.). [Бачилард, Г. Рациональный детерминизм и технический детерминизм // Философия и социология науки и техники.]
- Balakhonsky, V. V. (1997). *Explanation of history: Historical-philosophical, methodological and epistemological aspects*. St. Petersburg–Penza: Herzen State Pedagogical University; Belinsky Pedagogical University. (In Russ.). [Балахонский В. В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты.]
- Bakhtin, M. V. (2011). *Models of history: A socio-anthropological analysis*. Moscow: Institute of Business Communications. (In Russ.). [Бахтин М. В. Модели истории: социально-антропологический анализ.]
- Berger, P., & Luckmann, T. (2009). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.). [Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания.]
- Bhaskar, R. (2008). *A realist theory of science* (3rd ed.). Verso.
<https://www.versobooks.com/products/250-a-realist-theory-of-science>
- Bransky, V. P. (2006). *The problem of the meaning of history* [Проблема смысла истории]. In *Art and Philosophy* (pp. 582–608). Kaliningrad: Yantarny Sad. (In Russ.). [Бранский В. П. Искусство и философия]
- Bunge, M. (1959). *Causality: The place of the causal principle in modern science*. Harvard University Press.
<https://archive.org/details/causalityplaceof00bung>
- Diogenes Laertius. (1979). *Lives, doctrines, and sayings of famous philosophers* [О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge* (A.M. Sheridan Smith, Trans.). Pantheon Books.
<https://archive.org/details/archaeologyofkno0000unse>
- Fragments of Early Greek Philosophers. (1989). Part I: From epic cosmogonies to the emergence of atomism (A.V. Lebedev, Trans.). Moscow: Nauka. (In Russ.). [Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики.]
- Heidegger, M. (1962). *Being and time* (J. Macquarrie & E. Robinson, Trans.). Harper & Row.
<https://archive.org/details/beingtime00heidegger>
- Hempel, C. G. (1965). *Aspects of scientific explanation and other essays in the philosophy of science*. Free Press.
<https://archive.org/details/aspectsfoscience00hemp>
- Kant, I. (1998). *Critique of pure reason* (P. Guyer & A.W. Wood, Trans.). Cambridge University Press.
<https://philpapers.org/rec/KANCOP-6>
- Kline, M. (1984). *Mathematics: The loss of certainty*. Moscow: Nauka. (In Russ.). [Клайн М. Математика. Утрата определенности.]

- Leibniz, G. W. (1984). *Collected works* (Vol. 3). Moscow: Nauka. (In Russ.). [Лейбниц Г. Сочинения. Т. 3.]
- Lewis, D. (1973). Causation. *The Journal of Philosophy*, 70(17), 556–567.
<https://www.jstor.org/stable/2025310>
- Popper, K. R. (1959). *The logic of scientific discovery*. Hutchinson.
<https://archive.org/details/logicofscientific0000popper>
- Prigozhin, I. (1989). Science, civilisation and democracy [Наука, цивилизация и демократия]. In *Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook 1988–1989*. Moscow: Nauka. (In Russ.). [Пригожин И. Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1988–1989.]
- Taylor, C. (1985). *Philosophy and the human sciences*. Cambridge University Press.
<https://philpapers.org/rec/TAYPAT-3>
- Whitehead, A. N., & Russell, B. (1910). *Principia mathematica* (Vol. 1). Cambridge University Press.
<https://philpapers.org/rec/RUSPMV>

Бахтин М. В. Метафизические принципы каузальности и нормативности в историческом познании // Actual Issues of Modern Science. — European Scientific e-Journal. — 2025. — № 39. — Т. 2. — С. 154–172. Ostrava.

DOI: 10.47451/phi2025-10-01

Статья будет опубликована в Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, eLibrary, and WebArchive databases.

Максим Вячеславович Бахтин, профессор, доктор философских наук, Международный деловой профессорский клуб. Рагуза, Италия.
ORCID 0000-0003-1366-3009

Метафизические принципы каузальности и нормативности в историческом познании

Аннотация:

Исследование актуально в контексте современного пересмотра оснований научной рациональности, кризиса классического детерминизма и необходимости учёта нормативных структур в историческом познании. В условиях методологического плюрализма и усложнения представлений о свободе человеческого действия анализ метафизических принципов причинности и нормативности приобретает особую значимость. Осознание многомерности человеческой деятельности требует интеграции каузальных и ценностных оснований в объяснении исторических процессов. Новизна исследования состоит в предложении интегративного подхода, объединяющего каузальные и нормативные структуры как два фундаментальных метафизических принципа исторического познания. В исследовании раскрывается современная трактовка свободы как творческого акта, разрывающего причинный ряд, и демонстрируется методологическая несводимость нормативности к каузальности. Предметом исследования является соотношение метафизических принципов каузальности и нормативности в структуре исторического познания. Объектом исследования выступает человеческое действие как элемент, включённый одновременно в причинный и нормативный порядки. Цель исследования заключается в выявлении роли причинности и нормативности в формировании моделей исторического объяснения и в осмыслении свободы человеческой воли. Методологическая база исследования включает анализ, синтез, историко-генетический и сравнительный методы, а также феноменологические, герменевтические и диалектические подходы, позволяющие комплексно осмыслить эволюцию категорий причинности и нормативности. Применение метафизического анализа и концептуальной реконструкции обеспечило выявление связи между изменениями научной рациональности и трансформацией исторических моделей мышления. Исследование раскрывает эволюцию причинности и нормативности: от первобытной нормативной синкретичности и античных представлений о судьбе до классической научной модели, построенной на непрерывности каузальных связей, и последующего критического пересмотра в XX веке. Показано, что историческое познание невозможно без учёта нормативных структур, определяющих мотивацию и ответственность субъекта, и что современная философия обращается к интегративной модели, объединяющей объяснение и интерпретацию. Основные проблемы исследования связаны с ограниченностью универсальных детерминистских объяснений и трудностью формализации нормативных структур. Дополнительной проблемой является разрыв между естественно-научными и гуманитарными моделями рациональности. Исследование подтверждает, что причинность и нормативность оказываются взаимодополняющими принципами, без которых невозможна

полноценная реконструкция исторического процесса, что открывает перспективы дальнейшего развития интегративной философии истории.

Ключевые слова: каузальность, нормативность, свобода воли, необходимость, объективные универсальные законы.

Введение

Проблема метафизических оснований человеческой свободы и тех принципов, которые определяют структуру исторического познания, остаётся одной из центральных в современной философии. В условиях нарастания методологического плюрализма и кризиса классической рациональности вопрос о том, каким образом человек осмысляет свой выбор, мотивацию и ответственность, приобретает особую актуальность. Современная наука уже не опирается на представление о едином универсальном типе рациональности, характерном для эпохи Нового времени; напротив, видно всё более выраженное расхождение между различными формами понимания мира. Историческое познание оказывается в эпицентре этого методологического сдвига, поскольку оно одновременно работает с причинными структурами и с нормативными системами, регулирующими человеческое поведение. По мере углубления критики детерминистских моделей становится очевидно, что абсолютная непрерывность причинно-следственных связей, составляющая ядро классической научной картины мира, уже не способна объяснить сложность человеческой деятельности. В гуманитарных науках усиливается внимание к роли свободного выбора, культурных установок, ценностных систем и «метaparадигмальных» решений, формирующих горизонты исторического опыта. Вслед за этим возникает потребность в переосмыслении отношения между каузальностью и нормативностью как двумя принципиально различными, но неразрывно связанными способами объяснения мира. Современные исследования подчёркивают, что метафизические основания исторического познания не могут быть сведены к одной модели мирового порядка; напротив, они требуют учёта многослойности реальности, в которой объективная необходимость сосуществует с человеческой свободой. В переходных обществах, переживающих трансформации ценностных систем и структур исторической памяти, эта проблема становится особенно значимой, поскольку выбор «метaparадигмальной установки» определяет саму возможность интерпретации прошлого и формирует нормативные ориентиры будущего.

Новизна данного исследования заключается в попытке комплексного анализа метафизических принципов каузальности и нормативности как двух равноправных оснований исторического знания, оказывающих влияние на понимание свободы человеческой воли. В отличие от традиционных подходов, в которых причинность рассматривается как универсальный инструмент объяснения, работа опирается на идею разнородности мирового порядка и невозможности редукции нормативного измерения к каузальному. Исследование предлагает неклассическую интерпретацию свободы как творческого акта, разрывающего непрерывность причинно-следственного ряда и инициирующего новый метафизический и исторический контекст. Значительным вкладом является тезис о том, что нормативные структуры не выводятся из природного

порядка, но формируются в результате коллективного выбора определённой модели жизни, что делает их исторически изменчивыми и культурно обусловленными. Новизна также состоит в сопоставлении классической научной рациональности с современными формами мышления, в которых допускается прерывность, неоднородность и множественность оснований бытия. Такое сопоставление позволяет критически переосмыслить статус каузальности в историческом познании и выявить новые возможности для исследования свободы воли как метафизической категории.

Предметом исследования выступают метафизические основания причинности и нормативности как структуры, формирующие способы интерпретации человеческих поступков и исторических процессов. Анализ включает их философскую эволюцию, взаимную трансформацию и влияние на методы исторического познания. Особое внимание уделяется тому, каким образом эти принципы задают различные типы рациональности и объяснительных моделей.

Объектом исследования является человеческое действие как феномен, одновременно включённый в причинно-следственный мировой порядок и подчинённый нормативным структурам, определяющим свободу выбора и ответственность. В более широком смысле объектом становится историческое познание, внутри которого взаимодействуют каузальные объяснения и нормативные основания человеческой активности.

Цель исследования — выявить роль метафизических принципов каузальности и нормативности в формировании моделей исторического познания и в осмыслении свободы человеческой воли.

Исходя из цели исследования, в работе решаются следующие задачи:

- проанализировать содержание метафизических принципов каузальности и нормативности и их историческую эволюцию от древних представлений до классической и постклассической науки;
- исследовать различия между каузальным и нормативным порядками как основаниями человеческой деятельности и мирового устройства;
- выявить способы взаимодействия причинности и нормативности в структуре исторического познания и в понимании человеческой свободы;
- рассмотреть механизмы формирования нормативных структур как результата свободного выбора и их влияние на историческую интерпретацию;
- установить ограничения детерминистских моделей и показать значимость нормативных актов творчества и ответственности в гуманитарной перспективе.

Методы исследования

Исследование метафизических принципов каузальности и нормативности в историческом познании требует применения комплекса общенаучных и специальных философских методов, обеспечивающих системность, глубину и критическую рефлексия получаемых результатов. Поскольку данная проблематика затрагивает фундаментальные основания человеческой свободы, структуру мирового порядка и эволюцию рациональности, методология исследования должна учитывать как

историческую динамику формирования ключевых категорий, так и особенности их функционирования в различных культурно-исторических контекстах.

В основе работы лежит последовательный анализ и синтез концептуального материала. Анализ позволяет разложить центральные категории — каузальность, нормативность, свобода, рациональность — на структурные компоненты и выявить их внутренние связи. Он используется при рассмотрении различий между данностью и заданностью человеческого бытия, при интерпретации понятий «необходимость», «мотивированность» и «ответственность», а также при исследовании содержания причинной и нормативной модели мира, представленных в тексте статьи.

Синтез, напротив, обеспечивает сборку этих элементов в единую теоретическую конструкцию, отражающую логику перехода от нормативного устройства первобытного мира к классической научной взаимосвязанности причин и следствий, а затем — к современным неклассическим формам мышления, допускающим прерывность и множественность оснований.

Индуктивный подход применяется при анализе широкого историко-философского материала: от архаических представлений о «вине и воздаянии» до стоического учения о судьбе, картезианской концепции закона природы и ньютоновского универсализма. С его помощью выделяются общие закономерности формирования мировоззрений, связывающих человека с упорядоченностью мира. Дедукция позволяет формулировать выводы о природе классической рациональности, её стремлении к непрерывности и замкнутости причинных цепей, о логической невозможности появления в ней акта свободы как «зазора» между причинами. Дедуктивные обобщения затем проверяются на конкретных примерах, приводимых в тексте статьи, включая сопоставление нормативного порядка древности с каузальным порядком новоевропейской науки.

Историко-генетический метод служит основой для реконструкции эволюции представлений о причинности и нормативности. Он позволяет проследить, как первоначальное отождествление вины и причины (*atria*) в античном мышлении со временем трансформировалось в строгое научное понимание причинности, где нормы больше не рассматриваются как выражение воли богов или высших сил. С его помощью объясняется, почему классическая научная картина мира постепенно вытеснила нормативный тип мировоззрения, а затем сама оказалась под критикой в XX веке, что подробно раскрывается в исследуемом тексте.

Сравнительный метод используется для сопоставления различных моделей объяснения мира: нормативной, основанной на воздаянии и ответственности; каузальной, основанной на непрерывности причинно-следственных связей; классической научной, стремящейся к универсальному детерминизму; и неклассической, допускающей разрывы и внешние воздействия. Метод позволяет выявить глубинные различия между этими типами рациональности и показать, что их взаимная несводимость является ключом к пониманию природы исторического познания.

Структурно-функциональный подход обеспечивает анализ каузальности и нормативности как оснований, выполняющих различные функции в формировании мирового порядка. Каузальность рассматривается как механизм объяснения последовательности событий, а нормативность — как структура, задающая правила,

ценности и пределы человеческой деятельности. Данный метод помогает понять, почему в нормативном порядке возможно начало, связанное с актом свободного выбора, тогда как в каузальном порядке такое начало отсутствует. На этой основе демонстрируется, что историческое познание не может быть сведено к одной объяснительной модели.

Феноменологический метод применяется для анализа человеческого опыта, связанного с переживанием «данности» — объективных обстоятельств, определённых прошлым — и «заданности» — идеалов, норм и целей, направленных в будущее. Такой подход позволяет выявить структуру человеческой мотивации, показанную в исследуемом тексте, и понять, как человек переживает разрыв между природной необходимостью и нормативными требованиями. Феноменологический анализ раскрывает, что акт свободы возникает в точке, где человек выступает не следствием причинного ряда, а началом нового цепного развертывания.

Герменевтический метод используется для интерпретации философских концепций, объединённых в исследовании. Он позволяет раскрыть смысловые изменения, которые претерпевают понятия закона, причины, наказания, судьбы, нормы и необходимости в разных эпохах. Герменевтика также помогает выявить скрытые допущения, лежащие в основании классической науки, и объяснить, почему современная философия отказывается от идеи универсального детерминизма.

Диалектический метод необходим для анализа противоречий между каузальностью и нормативностью. Он показывает, что эти формы мирового порядка существуют в напряжённом единстве и что развитие рациональности происходит через их взаимообусловленные трансформации. Диалектическая логика объясняет историческую динамику переходов — от нормативного порядка древности к каузальному порядку науки и далее к неклассической рациональности, допускающей разрывы и творческие акты.

Метод концептуальной реконструкции используется для восстановления содержательной структуры классической научной картины мира. Он позволяет выявить её метафизические основания: представление о непрерывной причинной цепи, об обратимости времени в логическом смысле, о независимости законов природы от человеческой воли. Этот метод также применяется для анализа современной критики детерминизма, описанной в исследуемом тексте.

Метафизический метод занимает центральное место, поскольку исследование касается онтологических оснований свободы и порядка. Он позволяет ставить вопросы о природе бытия, структуре закона, соотношении необходимости и свободы. Применение метафизического анализа объясняет, почему причинность исключает творческий акт, а нормативность делает его возможным, а также выявляет последствия этих различий для исторического познания.

Философская критика и деконструкция классической рациональности используются для выявления ограничений детерминистской модели мира. Критический анализ показывает, что универсальная каузальность не учитывает нормативных структур, через которые человек реализует свободу и ответственность. Деконструкция позволяет вскрыть скрытые метафизические предпосылки классической науки и объяснить, почему они стали восприниматься как самоочевидные.

Наконец, метод идеализации и мысленного эксперимента применяется для анализа моделей миропорядка, таких как нормативный космос, классическая «*Deterministic Universe*» и неклассический мир разрывов и творческих актов. Мысленные эксперименты помогают продемонстрировать, к каким следствиям приводит абсолютный детерминизм — исчезновению свободы, историчности и ответственности — и почему нормативная перспектива оказывается необходимой для понимания человеческой деятельности.

Применение перечисленных методов позволило:

- 1) выявить историческую динамику формирования представлений о причинности и нормативности;
- 2) показать их метафизическую несводимость друг к другу;
- 3) раскрыть внутреннюю логику мировоззренческих трансформаций от архаического сознания до неклассической рациональности XX века;
- 4) объяснить, каким образом свобода проявляется как акт разрыва причинной цепи и установления нормативного порядка;
- 5) обосновать невозможность редукции нормативного измерения к естественно-научным законам;
- 6) подчеркнуть значение метапарадигмальных решений и творческого выбора как основания исторического познания.

Обзор литературы

Проблематика метафизических оснований причинности и нормативности, а также их роли в структуре исторического познания формировалась в науке на протяжении нескольких столетий, что делает анализ существующей литературы принципиально важным этапом исследования. Среди отечественных работ одним из ключевых источников является исследование Балахонского, где подробно рассматриваются гносеологические и методологические основания объяснения истории и показывается зависимость историко-философских концепций от изменений в рациональности [1]. Важное значение имеет и труд Бахтина, анализирующий модели истории в социально-антропологической перспективе, где особое внимание уделено связям между культурными установками, формами мировоззрения и исторической рефлексией [2]. Бранский также акцентирует внимание на вопросе смысла истории и подчеркивает, что историческое понимание неизбежно связано с интерпретацией целеполагания и нормативных структур человеческой деятельности [5].

Среди философов науки значительный вклад в разработку темы соотношения причинности и нормативности внес Гастон Башляр, который в своих работах показал ограниченность классических форм детерминизма и необходимость пересмотра редукционистских научных схем [3]. Отдельный пласт исследований связан с социологией знания, где на первый план выходит мысль о социальном конструировании реальности, представленная в фундаментальном труде Бергера и Лукмана. Авторы демонстрируют, что социальные институты и нормы определяют рамки интерпретации мира и являются необходимой предпосылкой понимания человеческого действия [4]. Подобная позиция поддерживает мысль о том, что нормативные структуры не могут быть сведены к естественно-научному каузальному порядку.

Исторические корни философских представлений о причинности и нормативности обнаруживаются в трудах античных мыслителей. «Фрагменты ранних греческих философов» позволяют проследить становление первых космологических моделей порядка и соотношение между божественным установлением, моральными нормами и природными процессами [10]. Особую ценность представляет собрание Диогена Лаэртского, где зафиксированы воззрения античных школ, для которых причинность и судьба часто совпадали в единой концепции мирового порядка [6]. Эти тексты позволяют реконструировать раннюю нормативно-каузальную синкретичность античного мышления.

Фундаментальное влияние на формирование классических представлений о причинности оказали труды Лейбница, в которых вырабатывается представление о непрерывности мирового порядка и строгой корреляции между причиной и следствием [8]. Позднее эта линия была радикализована в научных работах Нового времени, где математизация природы достигла высокой степени формализации. Ключевым свидетельством этого процесса является монументальный труд Уайтхеда и Рассела *Principia Mathematica*, ставший символом веры в универсальность логико-математического аппарата [22]. В этом контексте также показателен анализ М. Клайна, который в XX веке раскрыл кризис математической определённости и показал ограниченность рационалистических моделей научного познания [7].

Критическая переоценка классического детерминизма особенно ярко представлена в работах И. Пригожина, указывающих на невозможность сведения сложных систем к линейным причинно-следственным моделям. Пригожин подчёркивал необходимость признания открытости будущего и роли вероятностных процессов в природе [9]. Эта позиция стала важной предпосылкой неклассических концепций рациональности и подчёркивает ограниченность классического метафизического детерминизма.

На смещение от жесткого детерминизма к более гибким представлениям повлияли исследования в аналитической философии. Одним из ключевых источников является работа Анскомб, где причинность анализируется как концепт, не сводимый к механическому детерминизму, а определяемый контекстуальными структурами человеческой практики [11]. Д. Льюис, в свою очередь, развивает контрафактуальную модель причинности, подчёркивая её модальный характер и зависимость от возможных миров [19]. Эти работы существенно расширили понимание причинности за пределы классической линейной модели.

Значительный вклад в переосмысление отношений между необходимостью и свободой внесла Ханна Арендт. В её фундаментальном исследовании *The Human Condition* рассматриваются категория действия, свободы и ответственности, которые понимаются как события, разрывающие каузальную непрерывность и вводящие в историю новое начало [12]. Этот подход особенно важен для анализа метафизики нормативности, где свобода понимается как акт творческого установления порядка.

Вопрос о структуре познания и роли субъекта в интерпретации бытия занимает центральное место у Мартина Хайдеггера. В *Being and Time* он показывает, что человеческое существование всегда уже погружено в смысловые структуры, определяющие горизонты понимания, и что анализ бытия невозможен вне рассмотрения экзистенциальной

свободы [16]. На противоположном полюсе располагается классическая эпистемология И. Канта, где причинность рассматривается как априорная категория рассудка, а нормативность — как практический закон свободы [18]. Эти работы задают теоретическую рамку, необходимую для понимания двойственной природы каузальности и нормативности.

Важный пласт литературы связан с философией науки. К. Хемпел предложил модель научного объяснения, основанную на дедуктивно-номологических структурах, что стало одной из наиболее влиятельных формализаций причинности в XX веке [17]. К. Поппер, напротив, подверг критике детерминизм и предложил принцип фальсифицируемости как инструмент научной рациональности, допускающий открытость будущего и креативность научного мышления [20]. М. Бунге развил прагматико-научный подход к причинности, подчеркнув её операциональную природу и связь с эмпирическим исследованием [14]. Работы Р. Баскара в рамках критического реализма предложили стратифицированное понимание реальности, в котором причинность действует на разных уровнях бытия и не сводится к линейным механизмам [13].

Философско-гуманитарная линия представлена трудами Ч. Тейлора, который показал, что понимание человеческого действия невозможно без учёта нормативных структур, ценностей и культурных смыслов, формирующих пространство свободы [21]. В своей работе «Археология знания» М. Фуко раскрывает идею эпистемологических разрывов и исторических условий формирования дискурсов, показывая, что нормативность является не только моральной, но и эпистемической категорией [15]. Его анализ позволяет рассматривать причинность и нормативность как элементы различных дискурсивных режимов.

Таким образом, литература по теме исследования образует многослойное поле, включающее античную философию, классическую метафизику, философию Нового времени, феноменологию, аналитическую философию, критический реализм, социологию знания и современные исследования рациональности. Все эти направления демонстрируют, что причинность и нормативность имеют сложную историческую динамику и различные онтологические статусы. Классическая традиция стремилась к универсализации каузального порядка, тогда как современные исследования подчёркивают необходимость признания множественности типов рациональности, культурной обусловленности норм и творческого характера свободы. Обзор литературы показывает, что проблема соотношения причинности и нормативности требует междисциплинарного анализа, учитывающего как исторические формы мышления, так и современные философские концепции, что и определяет актуальность дальнейшего исследования.

Результаты исследования

Одной из актуальных проблем любого переходного общества является теоретическое осмысление свободы человеческой воли и её метафизических оснований. В связи с этим метафизические принципы каузальности и нормативности выступают в качестве фундаментальных основ организации наших представлений о мире и его познании. Начиная с середины XX в., по мере того, как выявляется историческая и

социально-культурная обусловленность рационалистических идеалов классической философии [3], исходная интуиция некой универсальной, единой и единственной рациональности утрачивает былую ясность и становится всё более расплывчатой и неопределённой. Во всяком случае, становится очевидным, что рациональным может быть не только теоретическое знание, но и практическое поведение человека, не опосредованное никакой теорией.

Рациональность поступков предполагает, по меньшей мере, их мотивированность. Мотивация, в свою очередь, обусловлена, с одной стороны, наличной данностью, объективными обстоятельствами, в которых находится человек, а с другой – заданностью, его пониманием, осмыслением этих обстоятельств. В зависимости от вкладываемого смысла поведение человека в одних и тех же обстоятельствах может быть весьма различным — вплоть до диаметрально противоположного. Данность определена прошлым, все обстоятельства обусловлены событиями, уже свершившимися и приведшими в своей совокупности к настоящему состоянию. Заданность не присутствует непосредственно в настоящем. Это, скорее, побуждение, устремление к реализации некоего императива, предлагаемого человеку или полагаемого им самим в качестве идеала или нормы. Таким образом, настоящее, в котором находится человек, представляет собой разрыв между данностью (прошлым) и заданностью (проекцией будущего). В этом разрыве и осуществляется реальная жизнь человека, своими размышлениями и поступками постоянно связывающего нить собственного бытия.

Заданность, как, впрочем, и данность, есть нечто внеположенное по отношению к человеку, поэтому стремление к ней можно рассматривать как постоянно возобновляющуюся попытку выйти за границы данности, как стремление к трансценденции. Одной из форм реализации этого стремления и выступает наука как способ трансцендирования заданности путём формулировки законов природы и методологических принципов мышления. Однако наука не является единственной формой реализации такого стремления. И. Пригожин, например, пишет о том, что «европейцы живут на пересечении по крайней мере двух различных систем ценностей: с одной стороны, научной рациональности, а с другой — рациональности коллективного поведения» [9]. Но рациональность, какова бы она ни была, всегда фундирована осознанным убеждением или инстинктивной верой в наличие в мире некоего определённого устойчивого порядка. Само наличие такого убеждения (или веры) выступает наиболее глубоким основанием для утверждения онтологических определений бытия, а действительное содержание этих определений во многом зависит от содержания фундаментальных убеждений или верований той или иной исторической эпохи. Как и из чего возникают такие убеждения и верования, как влияют на содержание наших онтологических представлений, как они изменяются, и что происходит в результате таких изменений?

В первобытном мышлении могло вообще не быть и, скорее всего, действительно не было ничего похожего на современные научные представления о природе как об упорядоченной последовательности явлений, связанных между собой причинно-следственными (каузальными) отношениями. Но вряд ли это означает, что первобытному мышлению вообще не свойственна идея упорядоченности мира. Скорее, можно говорить

не об отсутствии, а об ином характере этой упорядоченности. То, что для современного научного сознания выступает как внеположенная и даже противоположенная человеку природа, для древнего человека являлось непосредственным продолжением его жизненного мира, достаточно жёстко связанного системой норм морального или правового характера. Социальный порядок, регулирующий человеческое поведение, распространяется на весь мир, понимание которого строится не на каузальных (причина — следствие), а на нормативных (вина — воздаяние) отношениях.

Этнографические исследования свидетельствуют: представление о том, что человек ответствен за всё происходящее в мире, относится к самым древним стереотипам мышления [10]. Многие этнографы отмечают, что первобытный человек интерпретировал то, что мы называем явлениями природы, не как безразличные по отношению к его судьбе стихийные события, а в строгом соответствии с принципом воздаяния, рассматривая благоприятные события как награду, а неблагоприятные как наказание. Первобытному сознанию был совершенно чужд дуализм природы как каузального порядка и общества как нормативного порядка, как чужд он (хотя и с обратным знаком) сциентистскому сознанию современного человека.

Потенциально миропонимание, основывающееся на нормативных отношениях, существенно отличается от каузального, хотя мифорелигиозное сознание может быть долгое время совершенно нечувствительным к этому различию. Ведь для него связь природных явлений, точно так же, как и связь явлений общественных, — результат божественного установления, а законы природы, так же, как и общественные законы, есть не что иное, как выражение воли творца — нормы, предписывающие природным объектам определённые правила поведения, нарушение которых влечёт за собой неотвратимую кару. Примечательно, что и причина, и вина обозначались в Древней Греции одним и тем же словом — *aitia* [6]. По-видимому, представление о законе причинно-следственных отношений возникает в результате переосмысления представлений о законе-норме, связывающем вину и воздаяние. Переход от нормативного порядка к каузальному состоит в осознании человеком того, что отношения между вещами, в отличие от отношений между людьми, независимы ни от человеческой, ни от надчеловеческой воли, или, что то же самое, не определяются нормами. Но этот переход не был ни простым, ни одномоментным.

История формирования убеждённости в существовании совершенно безличного природного порядка, убеждённости, составляющей онтологическое ядро классической рациональности, простирается от первых натурфилософов Древней Греции вплоть до метанаучных изысканий Галилея, Декарта и Ньютона. Уже в философии Платона складывается представление о Космосе как иерархически организованной системе, в которой идеальный мир отделяется от предметного и противопоставляется ему. Этот высший мир чистых сущностей трактуется как вечный и неизменный прообраз (идеальный план), в соответствии с которым возникает и существует порядок вещей и явлений, составляющих непосредственное окружение человека. Порядок предметного мира явлен нам как отражение того порядка, который существует в мире идеальном, но отражение грубое, неточное, приблизительное. Подлинное бытие не дано нам в нашем непосредственном опыте. Поэтому постижение универсальных законов и подлинного

смысла бытия достижимо исключительно путём чистого умозерцания. Эмпирическое познание не заслуживает даже быть названным знанием и обозначается специальным термином «мнение». Подлинное же знание есть результат интеллектуального созерцания, раскрывающего предзаданный порядок и смысл бытия мира, а значит — подлинное предназначение человека [17; 20].

Тем не менее, полного отделения каузальности от нормативности в античной философии так и не происходит. Значительное число античных авторов продолжают трактовать закон природы именно как *установленный* порядок, а понятие причины практически не отличают от понятия судьбы: «Все происходит по велению судьбы, как говорят Хрисипп..., Посидоний, Зенон, а также Боэт <...> Судьба — это непрерывная [цепь] причин сущего или разум, согласно которому управляется мироздание» [6]. Даже к XVII в. это отделение ещё нельзя считать свершившимся фактом. Так, в своём «Рассуждении о методе» Декарт пишет о законах, «установленных Богом в природе», а в письме к Мерсенну утверждает, что «Бог установил эти законы... так же, как суверен устанавливает законы в своём королевстве» [7]. Решительный шаг к полному отделению каузального порядка от нормативного делает Ньютон, когда придаёт закону природы универсально-всеобщий характер.

Утверждая единство законов небесной и земной механики, Ньютон исходит из твёрдого убеждения о наличии единого и единственного миропорядка, охватывающего все явления как надлунного, так и подлунного мира. На смену античной концепции Космоса как иерархически упорядоченной системы приходит фундаментальная для науки Нового времени идея Универсума, порядок и законы которого в равной степени относятся и к движению небесных тел, и к перемещению земных объектов, описываемых одними и теми же математическими формулами. И хотя в фундаментальных убеждениях самого Ньютона ещё обнаруживаются реминисценции древнего нормативного порядка, от его теизма уже «рукой подать» не только до лейбницевского деизма, но и до радикального детерминизма Лапласа, окончательно вытесняющего идею *властной воли* (как основы нормативности) за пределы науки (и рациональности вообще).

В новой перспективе перед человеком открывается непривычный и ранее неизвестный мир, который управляется единым универсальным сводом каузальных законов, допускающих точное математическое выражение. Но закон только тогда воспринимается нами как истина, исключающая возможность всех противоречащих положений, когда он освящён санкцией высшего авторитета. Таким авторитетом становится в «новом мире» наука, претендующая и на высшее знание, и на высшее могущество одновременно.

Основу претензий науки на роль высшего авторитета составляет фундаментальное убеждение в том, что господствующий в мире каузальный порядок позволяет (при соблюдении определённых логических и методологических процедур) совершенно точно и однозначно соотнести всякое явление со всеми предыдущими и последующими.

Непредсказуемость тех или иных событий в каузальной перспективе рассматривается как чисто гносеологический феномен, не имеющий никаких онтологических предпосылок. Ничто из происходящего не возникает без соответствующей причины. Неожиданности существуют только для нас, и существуют лишь постольку, поскольку мы не познали ещё всех этих причин. Мы надеемся использовать уже известные, познанные

нами причинно-следственные связи как средства для достижения собственных целей, но постоянное вмешательство в нашу деятельность массы пока неизвестных нам закономерностей приводит к тому, что мы, помимо нашей воли, сами превращаемся в одно из средств проявления некой глобальной необходимости.

Принцип причинности, рассматриваемый как фундаментальная онтологическая характеристика бытия, предполагает, что человек может реализовать своё стремление к свободе, только подчинив свою жизнь универсальному объективному закону. Для того чтобы свободно распоряжаться своим будущим, человек, мыслящий в категориях каузальности, должен исключить из сознания всё случайное, удерживая в нём только необходимое. Иными словами, для того чтобы быть свободным, человек должен стать *необходимым* не только в средствах, но, прежде всего, в мотивах и целях: он не должен желать ничего такого, что не было бы «предусмотрено» объективной необходимостью. Строгое следование каузальному принципу не позволяет нам рассматривать свою собственную деятельность как вполне автономную. Ведь если любой наш поступок есть «результатирующая» множества объективных и зачастую неосознаваемых нами факторов, значит, наше поведение детерминировано чем-то помимо нашей воли. «Наука, — пишет в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевский, — научит человека, что... всё, что он ни делает, делается вовсе не по его хотению, а само собою, по законам природы. Следовательно, эти законы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет».

Каузальное мышление формируется в результате достаточно долгого процесса радикального изменения представлений о способе упорядоченности мира. Мир традиционного общества — это мир господства нормативного (социального) порядка, который распространяется также и на всю окружающую человека действительность. Новоевропейский мир — мир каузального (естественно-природного) порядка, которому теперь уже стремятся подчинить и общество, и человека. Этот мир буквально создаётся в процессе становления европейской науки и является нам как результат изменения наиболее фундаментальных онтологических представлений о господствующем в мире порядке.

Один из наиболее авторитетных творцов новой науки Лейбниц полагает: порядок, господствующий в мире, таков, что «всякое полное действие репрезентирует [свою] полную причину», поэтому «из познания этого действия я всегда могу прийти к познанию его причины» [8]. Если причина «полностью репрезентирована» в следствии, это означает, что логика нашего познания должна быть так же последовательна и непрерывна, как и цепь причинно-следственных связей в природе. Но, по существу, речь здесь идёт не столько о гносеологическом, сколько об онтологическом принципе. Лейбницевская убеждённость в каузальной природе фундаментального миропорядка предполагает, что все совершающиеся события образуют непрерывный ряд, в котором причины и следствия абсолютно плотно, без «зазоров», примыкают друг к другу. Мир предстаёт перед нами как некое совершенное единство, как целостная, ни в одной точке не разорванная, последовательность необходимым образом связанных между собой явлений. Но это положение есть не что иное, как определённый онтологический принцип, который неявно присутствует в фундаменте классической науки. Согласно

этому принципу вся природа безоговорочно подчинена математически выраженным законам, действие которых проявляется в непреложности причинно-следственных отношений. Человеку здесь просто некуда «втиснуться» со своей свободной волей, проявление которой всегда сопряжено с возникновением «зазора», перерыва постепенности.

В результате формируется и получает широчайшее распространение отношение к природе как к некому внеисторическому образованию. Ведь если *полная причина* всякого явления представлена в нём как *полное следствие*, то это означает их эквивалентность. Но эквивалентность причины и следствия, в свою очередь, означает не что иное, как обратимость времени (по крайней мере, в логическом отношении). И если физически мы не в состоянии повернуть мировой процесс вспять, то осуществить такое попятное движение логически не только возможно, но есть прямая обязанность человека науки. Представление о внеисторическом характере научных законов, относящихся прежде всего к сфере естественно-природных процессов, постепенно распространяется и на сферу человеческого бытия.

За последние триста лет эта лейбницевская «формула» фундаментального миропорядка стала доминирующей не только среди учёных и философов; даже в обыденном сознании сложилось устойчивое убеждение в непреложности каузальных законов, организующих всё происходящее в мире в непрерывные причинно-следственные цепи, протягивающиеся из бесконечного прошлого в бесконечное будущее [8]. Однако к середине XX века в среде профессионалов — философов, учёных, методологов науки — убеждённость во всеобъемлющем характере каузального миропорядка теряет былую твёрдость. Нарастает разочарование в идеалах универсального детерминизма. В результате под вопросом оказываются фундаментальные основоположения классической новоевропейской рациональности — онтологический принцип непрерывности причинно-следственных отношений и органически связанный с ним гносеологический принцип единства системы рационального знания. Разрыв с традицией осознаётся настолько остро, что саму идею универсального детерминизма лейбницевского типа Гастон Башляр характеризует как невероятную, *чудовищную* идею [3].

И здесь, как и в случае с формированием классического идеала, изменение гносеологической перспективы и пересмотр онтологических оснований неразрывно связаны с изменением представлений о господствующем миропорядке. Ведь именно на основании этих представлений формируются наши предварительные предположения о том, что в этом мире является действительно значащим, имеющим смысл [13]. Наиболее фундаментальная онтологическая предпосылка классической науки — бытие природы как последняя данность, существующая «сама по себе», безотносительно к нашему человеческому бытию, — в новых условиях становится неприемлемой. Но вместе с различением природного и человеческого бытия неприемлемым становится и представление о мире как о некоем абсолютном неразрывном единстве, подчинённом во всех своих сферах и проявлениях одним и тем же универсальным каузальным законам. Если с точки зрения классического идеала все отношения, как в сфере природы, так и в сфере жизненного мира человека, рассматривались как внутренние отношения между элементами единой и единственной системы, то теперь возникает возможность включать

в рассмотрение и внешние влияния, действие которых разрушает жёсткую линейность классического детерминизма.

«Образ мира» меняется не только за счёт протекающих в нём естественно-природных каузальных процессов. Изменение концептуального строя мышления может дать нам совершенно иную структуру членения бытия, открыть новую перспективу, в которой не только изменяется смысл и значимость привычных вещей, но, по существу, мы оказываемся в новом мире с другими объектами и другими фактами. Сами принципы структуризации бытия рассматриваются теперь не как изначально заложенные в природе мира, а как результат принятия тех или иных метапарадигмальных установок. Выбор в пользу той или иной концепции миропорядка — это творческий акт, опирающийся уже не столько на дискурсивное размышление, сколько на волевое решение, представляющее собой разрыв в цепи причинно-следственных (и логических) отношений. Этот выбор нельзя ни свести к какому бы то ни было формализованному алгоритму, ни вывести из предшествующей истории, как следствие из причины. С точки зрения классической рациональности это акт иррациональный. Однако в действительности речь здесь может идти не столько об иррациональности, сколько о рациональности иного, неклассического типа — рациональности «коллективного поведения». Во всяком случае, речь здесь идёт о выборе определённой модели жизни сообщества.

Однако, в отличие от каузального порядка классической рациональности, нормативный миропорядок не рассматривается теперь ни как абсолютная и вечная характеристика самого по себе бытия и мышления, ни как результат действия некоей могущественной трансцендентальной властной воли. Этот порядок понимается как установленный или признанный людьми, а не надчеловеческой властью, а потому имеющий нормативную силу лишь в границах той или иной культурной общности или исторической эпохи.

Внутреннее различие между каузальностью и нормативностью как принципами организации мирового порядка состоит прежде всего в следующем. В каузальной перспективе всякое явление рассматривается как следствие некой причины и одновременно как причина некоего другого следствия, поэтому причинно-следственная цепь представляется как сплошная, нигде не разорванная линия, исходящая из бесконечности и в бесконечность же уходящая [16]. Нормативная перспектива, в отличие от каузальной, предполагает вполне определённое начало — тот самый творческий акт свободного выбора метапарадигмальной установки, которым задаются граничные условия функционирования не только определённого типа мышления, но и жизни самого социального организма в целом. Именно в этом фундаментальном различии между каузальностью и нормативностью коренится противоположность между господствующей в природе необходимостью и человеческой свободой. То, что человек свободен, как раз и означает, что он может, утверждая те или иные нормы, выступать начальным (первым) звеном некоего каузального ряда. Принимая решение такого рода, он действует как причина следствий, но не как следствие причины. Такое понимание свободы в корне отличается от «познанной необходимости» каузальной традиции.

Развёртывание причинно-следственного ряда происходит как плавный переход от одного возможного мира к другому. Акт свободы есть перерыв постепенности, который

необратимо переносит нас в другой мир, тут же и создаваемый самим этим актом. И здесь речь идёт не о причине, а, скорее, о вине. Мы *виновны* в этом переходе, мы создали этот мир и мы ответственны за то, что он теперь существует. При этом вина понимается не в морально-оценочном, а именно в амбивалентном (метафизическом) смысле, ибо рождение из нашего поступка блага или зла равновероятно [4]. Поэтому и ответственность здесь означает не наказание, а сознание своего активного участия в жизни, своей причастности к бытию.

Таким образом, после нескольких столетий упорных попыток не только создать науку о природе, опирающуюся на идею чисто каузального порядка, но и построить на её основе полностью свободную от ценностей «социальную физику», мы приходим к выводу о невозможности полной редукции нормативного порядка к каузальному. Однако и идея полного погружения каузального порядка в нормативный, по-видимому, так же несостоятельна. Главное здесь — осознание сложности, *разнопорядковости* мира и, следовательно, невозможности найти какой-либо нереальный метод-“отмычку”, одинаково эффективно действующий и в естественно-природной, и в социогуманитарной сфере [1; 2; 5]. Скорее всего, следует признать, что существуют два фундаментальных метафизических принципа, по-разному трактующих характер человеческих поступков. Метафизика каузальности предпочитает рассматривать их как последовательные звенья некоего универсального ряда. Свобода понимается здесь как неукоснительное следование этому ряду, всякое отклонение от которого трактуется как безусловное зло. Метафизика нормативности предпочитает рассматривать человеческие поступки как самостоятельные акты реализации свободы, за каждый из которых человек несёт полную ответственность.

Дискуссия

Обсуждение результатов исследования показывает, что проблема соотношения каузальности и нормативности приобретает в современной философии особую значимость. Исторические изменения в структуре научной рациональности выявили ограниченность классических моделей объяснения, основанных на линейной причинности, и тем самым актуализировали необходимость рассмотрения нормативного измерения человеческого действия. Как отмечали исследователи, классическая научная рациональность стремилась к построению универсального каузального порядка, в котором прошлое, настоящее и будущее связаны непрерывной цепью причин и следствий [14; 20]. Однако именно эта универсальность и неизменность порождали проблемы в объяснении человеческой истории, основанной на свободе, выборе и ответственности, а не только на субстанциальных закономерностях природы.

Проблема заключается в том, что историческое познание не может быть сведено к модели естественно-научного объяснения, поскольку оно имеет дело не только с событиями, но и с мотивацией, ценностями и нормативными установками, которые определяют горизонт человеческого бытия. Именно это различие, на которое указывает современная философия, становится центральным в интерпретации материала исследования. Работы автора исследования [2] и Балахонского [1] демонстрируют, что историческое объяснение всегда связано с интерпретацией целей и мировоззренческих

структур эпохи, которые не поддаются каузальной редукции. Таким образом, в центре дискуссии оказывается вопрос: каким образом соединить каузальное и нормативное измерения истории без уменьшения значимости ни одного из них?

Историческое рассмотрение вопроса показывает, что длительное время причинность понималась как форма нормативного порядка, а не как независимый от человеческой мысли закон природы. В первобытных обществах связь событий интерпретировалась через модель «вины и воздаяния», а сама природа воспринималась как продолжение морального порядка [10]. Даже в античности, как свидетельствуют тексты Диогена Лаэртского [6], причинность часто мыслилась через призму судьбы, то есть нормативного закона бытия. Только с развитием науки Нового времени происходит радикальный разрыв между нормативностью и каузальностью, что отражено в трудах Декарта и Ньютона и систематизировано в логико-математических моделях *Principia Mathematica* [22].

Однако именно эта модель, как подчёркивает Клайн, начинает разрушаться в XX веке [7]. Башляр выдвигает идею «технического детерминизма», который, в отличие от метафизического, признает сложность материального мира и существование разрывов в научном знании [3]. Кризис тотального детерминизма особенно ясно выражен у Пригожина, который утверждает необратимость времени, открытость будущего и невозможность полного сведения мира к математическим формулировкам [9]. Эти идеи вновь возвращают философию к нормативным структурам человеческой деятельности, так как выбор, творчество и ответственность становятся ключевыми элементами исторического процесса.

Второй крупный блок проблем связан с метафизикой свободы. Как показывает анализ философских текстов, свобода не может быть описана в терминах причинно-следственной необходимости, поскольку свобода предполагает способность субъекта разрывать каузальную цепь и инициировать новый ряд событий. Анскомб [11] отмечает, что причинность не является универсальной формой описания всех типов событий, и человеческое действие требует иной логической формы объяснения. Арендт [12] показывает, что действие — это «начало», которое невозможно вывести из предшествующих условий. Это утверждение прямо противоречит классическому детерминизму Лейбница [8] и логическому универсализму Уайтхеда и Рассела [22].

Ещё одна важная проблема выявляется благодаря феноменологическим и герменевтическим исследованиям. Хайдеггер демонстрирует, что понимание всегда укоренено в мире жизненных смыслов и не может быть сведено к формальной логике [16]. Фуко показывает, что эпистемологические разрывы являются необходимой частью развития знания, и что разные исторические эпохи производят различные дискурсивные правила, определяющие способы объяснения мира [15]. Это означает, что причинность и нормативность не являются вечными и неизменными категориями, но зависят от культурной матрицы эпохи.

В свете рассмотренных исследований можно утверждать, что в статье раскрывается двойственное движение современной философии: с одной стороны, усиливается критика универсальной каузальной модели, а с другой — растёт интерес к нормативности как внутреннему принципу человеческого действия. Это направление развивается как в

аналитической философии, так и в герменевтике, критическом реализме [13], философии действия [21] и феноменологии.

Перспективы дальнейшего изучения темы заключаются в разработке интегративной модели исторического познания, которая учитывала бы и причинные зависимости, и нормативные структуры. Такая модель должна опираться на идеи сложных систем, нелинейности, открытого будущего, а также на философию действия, где свобода рассматривается как реальное онтологическое основание, а не иллюзия незнания причин. Необходимым направлением является также развитие междисциплинарных подходов, соединяющих философию, историю, когнитивные науки и социологию знания [4].

Таким образом, дискуссия демонстрирует, что проблема взаимосвязи причинности и нормативности выходит за рамки узкофилософского вопроса и становится центральной для понимания человеческой истории. Современная философия постепенно отказывается от идеи универсальной причинной непрерывности и обращает внимание на сложность, контекстуальность и креативность человеческой деятельности, что открывает путь к новым методологическим моделям исторического мышления.

Заключение

Проведённое исследование позволяет обобщить ключевые результаты и подтвердить достижение поставленных во «Введении» целей и задач. Анализ метафизических оснований причинности и нормативности показывает, что эти принципы обладают разной онтологической природой, но определяют структуру человеческого бытия и способы исторического познания. Историко-философский материал раскрывает, что причинность изначально была связана с нормативным порядком, а не с естественно-научным законом, что подтверждают античные источники [6; 10]. Постепенное разделение этих понятий происходило по мере становления классической рациональности и достигло кульминации в научных системах Нового времени [8; 22].

Однако классическая модель причинности не смогла объяснить феномены человеческой активности, которые связаны с свободой, инициативой и ответственностью. Именно эта проблема стала центральной для неклассической философии науки XX века. Работы Бапшляра, Клайна и Пригожина демонстрируют, что механистическая картина мира не соответствует реальной структуре научного знания и не учитывает нелинейности, неопределённости и событийности [3; 7; 9]. Эти идеи подтверждают необходимость пересмотра метафизической основы научной рациональности и возвращения к вопросу о нормативных структурах, определяющих человеческое поведение.

Метафизика свободы занимает в этом контексте ключевую позицию. Анскомб и Льюис показали, что традиционные модели причинности не подходят для описания человеческих действий, которые не являются следствиями обязательных условий, но представляют собой контекстуальные и модальные формы существования [11; 19]. В работах Арендт и Хайдеггера свобода определяется как способность начинать новое, а не как «познанная необходимость», что радикально противоречит классическому детерминизму [12; 16]. Это делает нормативность не внешним ограничением, а внутренним условием человеческого бытия.

Таким образом, исследование подтверждает, что историческое познание невозможно без учёта нормативных структур. Как показывают Бахтин, Балахонский и Бранский, смысл истории не может быть выведен из каузальных связей, поскольку историческое действие основано на ценностях, мотивах и коллективных установлениях [1; 2; 5]. Современная социология знания также подтверждает, что социальная реальность создаётся через процессы институционализации и интерпретации, а не через механическое действие причинных закономерностей [4].

С другой стороны, полностью отказаться от причинности также невозможно. Как подчёркивают Бунге и Хемпел, причинные объяснения остаются необходимыми для научной рациональности, но требуют дополнения другими типами анализа [14; 17]. Критический реализм Баскара демонстрирует, что реальность многослойна, а причинность действует на разных уровнях, что делает невозможной её редукцию к одной модели [13].

В результате исследование показывает, что наиболее перспективным подходом является интегративная модель рациональности, сочетающая каузальные и нормативные элементы. Она учитывает:

- историческую изменчивость структур мышления;
- нелинейный характер событий;
- значимость свободы как онтологического основания;
- роль культурных и социальных норм;
- необходимость сложных моделей объяснения.

Установлено, что причинность и нормативность представляют собой два фундаментальных метафизических принципа, которые нельзя редуцировать друг к другу. Показано, что историческое познание требует их совместного анализа. Выявлено, что свобода возникает как творческий разрыв причинной непрерывности и становится основой нормативного порядка. Подтверждено, что современные философские исследования указывают на необходимость многомерной рациональности, сочетающей объяснение и интерпретацию.

Следовательно, можно утверждать, что дальнейшее развитие темы связано с построением интегративной философии истории, способной соединить метафизические, эпистемологические и социокультурные основания человеческого действия. Это включает развитие междисциплинарных подходов, исследование динамики нормативных систем, анализ сложности исторических процессов и переосмысление категорий рациональности в условиях современной науки. Проведённое исследование открывает широкий спектр возможностей для дальнейшего философского анализа и подтверждает значимость выбранного направления для современной теоретической мысли.

Конфликт интересов

Автор заявляет, что конфликт интересов отсутствует.

Список источников информации:

1. Балахонский В. В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена; Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1997. — 199 с.
2. Бахтин М. В. Модели истории: социально-антропологический анализ. — М.: Институт деловых коммуникаций, 2011. — 218 с.
3. Башляр Г. Рациональный детерминизм и технический детерминизм // Философия и социология науки и техники. — М.: Наука, 1986. — С. 230–236.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Маднум, 2009. — 312 с.
5. Бранский В. П. Проблема смысла истории // Искусство и философия. Калининград: Янтарный сад, 2006. — С. 582–608.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Наука, 1979. — 576 с.
7. Клайн М. Математика. Утрата определенности. — М.: Наука, 1984. — 314 с.
8. Лейбниц Г. Сочинения. — М.: Наука, 1984. — Т. 3. — 448 с.
9. Пригожин И. Наука, цивилизация и демократия // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1988–1989. — М., 1989. — С. 7.
10. Фрагменты ранних греческих философов. Перевод / АН СССР, Институт философии. Издание подг. А.В. Лебедев. Отв. ред. и автор вступит. статьи И.Д. Рожанский. — М.: Наука, 1989. Часть 1. От этических космогоний до возникновения атомистики. — 575 с.
11. Anscombe G. E. M. Causality and determination: An inaugural lecture. — Cambridge University Press, 1971. [= Энскомб Г. Э. М. Причинность и детерминация: вступительная лекция.]. — URL: <https://www.librarything.com/work/18392137>
12. Arendt H. The human condition. — Chicago: University of Chicago Press, 1958. [= Арендт Х. Состояние человека.]. — URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/H/bo27911314.html>
13. Bhaskar R. A realist theory of science. 3rd edition. — Verso, 2008. [= Бхаскар Р. Реалистическая теория науки.]. — URL: <https://www.versobooks.com/products/250-a-realist-theory-of-science>
14. Bunge M. Causality: The place of the causal principle in modern science. — Harvard: Harvard University Press, 1959. [= Бунге М. Причинность: место принципа причинности в современной науке.]. — URL: <https://archive.org/details/causalityplaceof00bung>
15. Foucault M. The archaeology of knowledge. — Pantheon Books, 1972. [= Фуко М. Археология знания.]. — URL: <https://archive.org/details/archaeologyofkno0000unse>
16. Heidegger M. Being and time. — Harper & Row, 1962. [= Хайдеггер М. Бытие и время.]. — URL: <https://archive.org/details/beingtime00heidegger>
17. Hempel C. G. Aspects of scientific explanation and other essays in the philosophy of science. — Free Press, 1965. [= Хемпель К. Г. Аспекты научного объяснения и другие эссе по философии науки.]. — URL: <https://archive.org/details/aspectsofscient00hemp>
18. Kant I. Critique of pure reason. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. [= Кант И. Критика чистого разума.]. — URL: <https://philpapers.org/rec/KANCOP-6>
19. Lewis D. Causation // The Journal of Philosophy. — 1973. — № 70(17). — С. 556–567. [= Льюис Д. Причинность.]. — URL: <https://www.jstor.org/stable/2025310>
20. Popper K. R. The logic of scientific discovery. — Hutchinson, 1959. [= Поппер К. Р. Логика научного открытия.]. — URL: <https://archive.org/details/logicofscientifi0000popp>
21. Taylor C. Philosophy and the human sciences. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. [= Тейлор С. Философия и гуманитарные науки.]. — URL: <https://philpapers.org/rec/TAYPAT-3>
22. Whitehead A. N., Russell B. Principia mathematica (Vol. 1). — Cambridge: Cambridge University Press, 1910. [= Вайтхед А. Н., Рассел Б. Математические принципы.]. — URL: <https://philpapers.org/rec/RUSPMV>